

ГЛАВА 2. ДОЦЕНТ, ПРОФЕССОР, ДЕКАН, РЕКТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Коллеги по историко-филологическому факультету

Никитин сменил в Петербургском университете вышедшего в отставку в начале 1879 г., Г. С. Дестуниса¹. Профессорский состав историко-филологического факультета в это время был силен как никогда раньше, здесь собрался цвет отечественной гуманитарной науки: К. Я. Люгебиль, Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский, В. Г. Васильевский, М. И. Сухомлинов, О. Ф. Миллер, В. И. Ламанский, И. В. Ягич, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Н. Веселовский, Е. Е. Троицкий, М. И. Владиславлев, И. П. Минаев, А. В. Прахов.

Вступление Никитина в университетскую корпорацию было омрачено тем, что его будущий коллега, Люгебиль, отстаивал другого кандидата: своего ученика, доцента Новороссийского университета Л. Ф. Воеводского. Тем не менее 22 сентября 1879 г. Никитин был избран историко-филологическим факультетом Петербургского университета (большинством 8 голосов против 5) на должность доцента греческой словесности². 29 октября того же года его избрание состоялось в Совете университета: за него было подано 32 избирательных и 10 неизбирательных голосов³. В записке, подписанной Помяловским и Соколовым и представленной в Совет университета, говорилось, что «на поприще ученой деятельности проф. Никитин выступил очень недавно — в 1875 г. и в течение короткого времени сумел стать в ряды русских ученых, самостоятельно относящихся к древней филологии и самостоятельно ее разрабатывающих», зарекомендовав себя «как глубокий знаток греческой диалектологии, литературы, лингвистики», а его труды «сделали бы честь и не молодого, только что начинающего филолога»⁴. Под этой запиской не было подпись профессора греческой словесности Люгебиля.

¹ Еще 18 декабря 1878 г. К. Я. Люгебиль представил Совету университета записку об ученой деятельности Гавриила Спиридоновича Дестуниса и о переизбрании его профессором на следующие пять лет (Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за первую половину 1878–1879 академического года. № 19. СПб., 1879. С. 59), но Дестунис не смог воспользоваться этим предложением из-за болезни и в 1879 г. вышел в отставку, в 1895 г. умер.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8023. Л. 3. Воеводский при баллотировании на факультете получил 6 избирательных и 7 неизбирательных голосов.

³ Протоколы заседаний Совета Санкт-Петербургского университета за первую половину 1879–1880 академического года. СПб., 1881. № 21. С. 53.

⁴ Там же. С. 68–69.

По приезде в Петербург Никитин нанес визит своему коллеге по преподаванию, и Люгебиль откровенно сказал ему, что его симпатии склонялись не в сторону Никитина, но коль скоро профессорская коллегия высказалась за него, Никитина, он, Люгебиль, приглашает своего нового коллегу дружно работать на пользу науки и университета и считать его своим другом и соратником⁵.

Карл Якимович (Иоакимович) Люгебиль (1830–1887), всю свою жизнь отдал Петербургскому университету, которому сам он, как ученик Фр. Грефе, был обязан своим научным образованием. Предметом научных занятий Люгебиля были преимущественно древнейшие греческие реалии, мифология, история искусства. Серьезный вклад в науку составляет его докторская диссертация «Историко-филологические исследования»⁶, посвященная главным образом развитию афинского архонтата. Люгебиль посвятил ряд работ греческой грамматике и сравнительному языкоznанию, первое место среди них занимает перевод, с многочисленными и пространными замечаниями, первой части труда Г. Курциуса «Grundzüge der Griechischen Etymologie»⁷.

К своим профессорским обязанностям Карл Якимович относился «добросовестно до самоотвержения»⁸. Хотя Люгебиль не отличался блестящей дикцией, а с возрастом стал глуховат и даже прибегал к слуховому рожку, он умел увлекать слушателей, интересующихся своим предметом, и развивал в них «самостоятельность мысли и серьезный плодотворный скепсис»⁹. С первых занятий Люгебиль приучал своих слушателей к чтению рукописей, не смущаясь тем, что они «не читали, а кое-как брали по указке профессора».

---

⁵ Об этом эпизоде со слов Никитина рассказывает С. А. Жебелев: Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог). С. 47.

⁶ Люгебиль К. Я. Историко-филологические исследования. 1. Афинский царь Кодр и отмена царской власти в Афинах. 2. Архонтство и стратегия в Афинах во время Персидских войн. СПб., 1868.

⁷ Перевод опубликован в 1882 г. под заглавием: «Начала и главные вопросы греческой этимологии, перевод с немецкого первой книги „Начертания греческой этимологии“ Г. Курциуса, с согласия автора перевел и прибавил свои примечания К. Люгебиль».

⁸ Ернштедт В. К. К. Я. Люгебиль // *Victoris Jernstedt. Opuscula*. Сборник статей по классической филологии Виктора Карловича Ернштедта. СПб., 1907. С. 333 (впервые некролог опубликован в: ЖМНП. 1888. Ч. 256. Апрель. Совр. летопись. С. 1–13). Ернштедт называл своего учителя «идеалистом в настоящем смысле слова: для него идеалы не были сами по себе, а действительность сама по себе. Он, по-видимому, не допускал компромиссов, не знал малодушия, он боялся всякой фальши и не боялся комизма. Люди иногда находили, что в нем „как будто чего-то недоставало“; они не ошибались, в нем действительно недоставало чего-то такого, что мы привыкли считать нормальным: он не был, что называется, себе на уме, или если в нем находилась эта необходимая ингредиенция человека, в слишком незначительном количестве». Там же. С. 341.

⁹ Там же. С. 331.

«Ничего, привыкнете», — подбадривал он поредевшую ко второму занятию аудиторию.¹⁰ Вскоре молодые слушатели привязывались душой к профессору и проникались уважением к тому духу, в каком велось преподавание в Петербургском университете. Люгебиль воспитал таких учеников, как В. К. Ернштедт, Л. Ф. Воеводский, Д. Ф. Беляев, П. И. Аланский. Ернштедт с 1876 г. был преподавателем греческой словесности Петербургского университета¹¹.

Никитин высоко ценил Люгебиля¹² и отзывался о нем как об «исследователе, орудиями крепкого здравого смысла и строгого критицизма разрушившем традиции классической историографии и традиционные нелепицы классического языкоznания»¹³. По отзыву Ернштедта, «едва ли не самой замечательной чертой Карла Якимовича, как ученого, была его отзывчивость на все свежее, живое и оригинальное в науке, удивительной тем, что он сумел сохранить ее до седых волос»¹⁴. Поэтому Люгебиль относился к научному творчеству Никитина с самым серьезным вниманием, выступал его оппонентом на защите как магистерской, так и докторской диссертации, более того, он старался сделать доступными выводы его докторской диссертации «К истории афинских драматических состязаний» (СПб., 1882) для западных исследователей, поместив обширную рецензию на нее на страницах немецкого научного издания¹⁵.

¹⁰ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.) // ВДИ. 1968. № 3. С. 164 (впервые эта работа опубликована в: Анналы. 1922. № 2. С. 168–187).

¹¹ Ернштедт Виктор Карлович (1854–1902), выпускник Петербургского университета (1875), где его учителями были К. Я. Люгебиль и Ф. Ф. Соколов; был командирован в Грецию и Италию (1880–1883), где изучал греческие рукописи, занимался эпиграфикой и археологией. С 1876 г. преподаватель, с 1883 г. доцент, с 1884 г. экстраординарный, с 1891 г. ординарный профессор греческой словесности, секретарь историко-филологического факультета (1885–1892) Петербургского университета, с 1891 г. заведующий отделом классической филологии ЖМНП. В 1880 г. защитил магистерскую диссертацию «Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифона и Ликурга» и в том же году подготовил критическое издание речей Антифона (*Antiphontis Orationes edidit V. Jernstedt. Petropoli, 1880*); в 1891 г. защитил докторскую диссертацию «Порфириевские отрывки из Аттической комедии. Палеографические и филологические этюды» (СПб., 1891). О его дальнейшей деятельности и сотрудничестве с Никитиным см. ниже.

¹² 12 сентября 1883 г. прошла баллотировка К. Я. Люгебиля на оставление на службе при университете на пять лет по выслуге им двадцатипятилетнего срока, и Никитин составил «Записку об ученои деятельности ординарного профессора Карла Иоакимовича Люгебиля» // Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета 1883–1884 академического года. № 29. СПб., 1884. С. 13–14.

¹³ Никитин П. В. Иван Владимирович Цветаев // Известия Имп. Академии наук. 1913. Сер. 6. № 13. С. 767.

¹⁴ Ернштедт В. К. Я. Люгебиль. С. 333.

¹⁵ Lugebil K. Rec.: Paul Nikitin. Zur Geschichte der dramatischen Wettkämpfe in Athen. St. Petersburg, 1882 // Philologische Wochenschrift. 1883. № 31/32. Col. 961–968.

Кафедру римской словесности занимал *Иван Васильевич Помяловский* (1845–1906), который в свое время учился у Люгебиля и позаимствовал у него любовь к археологии и сравнительному языкознанию. Свое образование он завершил в Италии и Германии, где слушал лекции Т. Моммзена и курс римской эпиграфики у Ф. Ричля, который привил ему вкус к этим занятиям. Уже в 1873 г. вышла в свет докторская диссертация Помяловского «Эпиграфические этюды» — один из первых в России трудов в области римской эпиграфики, а в 1881 г. — «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа». В последние 20 лет своей жизни он перенес центр своих научных занятий с классического мира на христианский и обогатил византиноведение многочисленными публикациями в области христианской агиографии и палестиноведения¹⁶.

Помяловский, принятый на университетскую кафедру прямо со студенческой скамьи, «просто, ясно, изящно, научно, деловито и как-то бодро и весело вел свое преподавание»¹⁷. Помяловский первый ввел в обиход университетского преподавания римскую эпиграфику.

Долгое время (1887–1897) Помяловский был деканом историко-филологического факультета. Как-то начальство поручило ему поставить на вид профессору А. Н. Веселовскому пропуски лекций. Желая это сделать в возможно деликатной форме, Помяловский сказал на заседании факультета: «Вот, изволите ли видеть, говорят, что некоторые профессора пропускают много лекций». На это первым откликнулся Веселовский: «Неужели? Да кто же это такая свинья?..»

Помяловский отличался редкой добротой и снисходительностью, его натуру метко охарактеризовал А. Н. Щукарев как «его благоутробие»¹⁸. «И. В. Помяловский не умел, да и не любил отказывать, — вспоминал Жебелев, — и, по свойственному ему прекраснодушию, готов был пособствовать всюду и во всем, где и в чем он только мог. Много молодых ученых перебывало у Помяловского, и очень немногие из них уходили от него „с пустыми руками“»¹⁹. Непрактичный В. Г. Васильевский всегда отсыпал к нему своих учеников в трудных житейских ситуациях со словами: «Обратитесь к Ивану Васильевичу, он все устроит; это — мудрец, маг и волшебник»²⁰.

¹⁶ См.: *Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // МРВ. С. 207–240.

¹⁷ *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2. С. 125.

¹⁸ *Жебелев С. А.* Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.). С. 166.

¹⁹ *Жебелев С. А.* Памяти И. В. Помяловского. С. V.

²⁰ Цит. по: *Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение. С. 21.

Биографы Помяловского отзываются о нем как о страстном библиофиле, библиотека которого всегда была открыта для любого исследователя; он не сидел скопидомом над своими книжными сокровищами, а охотно делился ими с каждым, кто к нему обращался²¹. Увидев у студента книгу, он никогда не упускал случая спросить «А это у вас что за книжица?», а если «книжица» была хорошая или редкая, то иногда не без удовольствия сообщал, что у него она имеется в двух экземплярах. Когда же его спрашивали, зачем у него два экземпляра одной и той же книги, он говорил: „хорошую книгу, изволите ли видеть“, можно держать и в трех экземплярах»²².

Исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре римской словесности был Иосиф Антонович Шебор²³. Кафедру всеобщей истории занимал Федор Федорович Соколов (1841–1909)²⁴. Знание древнего мира было у Соколова, обладавшего колоссальной памятью, поистине всеобъемлющим. В этом отношении он был какой-то необытной энциклопедией, приводившей его ближайших учеников в своего рода священный трепет²⁵. Основной задачей научного исследования Соколов считал всестороннее освещение исторических фактов путем детального критического изучения всех относящихся к ним данным. Этим объяснялся его интерес к эпиграфическим документам как наиболее достоверным историческим источникам²⁶. Например, свою рецензию на IV том издания надписей Северного Причерноморья он закончил шутливым восклицанием: «Нам

²¹ Общество любителей древней письменности было обязано Помяловскому пополнением своей библиотеки и музея печатными книгами и рукописями: Лопарев Хр. М. Иван Васильевич Помяловский (некролог). СПб., 1908. С. 5–6.

²² Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.). С. 166.

²³ Шебор Иосиф Антонович (1848–1928), уроженец Богемии и воспитанник академической классической гимназии в Праге (1867 г.). В течение последних трех лет обучения в гимназии он изучал русский, церковнославянский, сербский и польский языки у И. Коляржа и в 1867 г. перевел на чешский язык и издал перевод комедии «Ревизор» Гоголя. В том же году по рекомендации Коляржа он был приглашен академиком Я. К. Гротом в наставники его сыновей (Н. Я. и К. Я. Гротов). В 1868 г. Шебор поступил в Петербургский университет и по окончании курса на историко-филологическом факультете был преподавателем латинского языка в 5-й Санкт-Петербургской гимназии (1873–1878) и с 1875 г. — в Петербургском университете, где с 1877 г. был и. д. экстраорд. профессора, а с 1883 по 1896 г. — экстраорд. профессором, с 1877 по 1896 г. экстраорд. профессор латинской словесности в ПИФИ. С 1883 по 1893 г. напечатал в ЖМНП и ФО ряд заметок к текстам римских поэтов (Плавта, Катулла, Вергилия, Горация, Проперция) и издал сочинения Горация (Q. Horatii Flacci carmina. Petropoli, 1890). После 1896 г. вернулся в Прагу.

²⁴ Жебелев С. А. Ф. Ф. Соколов (некролог) // ЖМНП. 1909. Нов. сер. Ч. 23. Октябрь. Совр. летоп. С. 17–64.

²⁵ Жебелев С. А. Ф. Ф. Соколов (некролог). С. 25.

²⁶ Соколов Ф. Ф. 1) Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865; 2) Гомеровский вопрос // ЖМНП. 1868. Ч. 140. Ноябрь.

нужно больше, гораздо больше надписей, и все-таки сыты не будем²⁷. Соколова называли фактопоклонником: преклонение перед фактами и фактической стороной жизни было его отличительной чертой не только в ученой, но и в преподавательской деятельности.

Соколов занимал кафедры всеобщей истории в университете и ПИФИ, которые были одинаково близки его сердцу²⁸. С конца 1870-х гг. для студентов-классиков старших курсов университета и института он вел у себя на дому практические занятия (*privatissima*). Федор Федорович как ученый секретарь Историко-филологического института имел казенную квартиру в здании института, где жил вместе со своим братом Аркадием Федоровичем, преподавателем географии в институте. Занятия проходили по пятницам, начиная с 7 часов вечера, нередко затягивались за полночь и заключались в чтении и детальнейшем объяснении греческих надписей. Участниками «пятниц» были В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, Б. В. Варнеке из института и С. А. Жебелев, А. Н. Щукарев, М. И. Ростовцев, Р. Х. Лепер из университета. По свидетельству Жебелева, это была «такая „ученая лаборатория“, которая убеждала участников в одном: как мало они знают и сколько им нужно еще учиться, чтобы узнать хоть кое-что»²⁹. На этих «пятницах» и завязывались тесные связи между Федором Федоровичем и его учениками, здесь сформировалась «Соколовская школа», — по словам принадлежавшего к ней Латышева, — немногочисленная по составу, но крепко связанная единством научных воззрений и занимавшаяся главным образом изучением древнегреческой истории, древностей и эпиграфики³⁰. Именно Соколовской школе суждено было занять ведущее место в дореволюционной русской науке об античности³¹.

ского // ЖМНП. 1879. Ч. 206. Ноябрь. С. 369–417; 4) Антиох Илионских надписей // Там же. 1897. Ч. 312. Июль. Отд. класс. филол. С. 1–35; 5) Ежегодные праздники пифийский и немейский // Там же. 1899. Ч. 324. Июль. Отд. класс. филол. С. 1–14. После смерти Соколова его ученики собрали его статьи, получился увесистый том в 671 стр.: Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

²⁷ Соколов Ф. Ф. Recl.: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. IV. / Ed. B. Latyshev, Petropoli 1901 (1902) // Там же. С. 645.

²⁸ Соколов не защитил докторскую диссертацию, поэтому в университете он не получил ординатуры: с 1867 г. он доцент, с 1884 г. экстраординарный профессор, с 1890 г. и. д. ординарного профессора, в 1892 г. получил звание заслуженного профессора; в ПИФИ требования были менее строгими: с 1870 г. он экстраординарный профессор, с 1883 г. ординарный профессор, с 1871 по 1891 г. ученый секретарь конференции.

²⁹ Жебелев С. А. Ф. Соколов (некролог). С. 62.

³⁰ Латышев В. В. Ф. Соколов: 1841–1909. Некролог // Известия Имп. Академии наук. 1909. 6 сер. Т. 3. № 14. С. 954.

³¹ Крупной заслугой Соколова было и то, что по его инициативе впервые, начиная с

Помимо специальных лекций Соколов читал историю Греции и Рима первокурсникам университета и ПИФИ (одно время, до прихода в университет Б. А. Тураева, он читал и историю древнего Востока, по словам самого Соколова, «с краской на ланитах»). Лекции Соколова по древней истории Греции и Рима из-за обилия фактического материала были доступны немногим и успехом в студенческой массе не пользовались. Жебелев вспоминал, что многие его слушатели недоумевали, «почему это профессор заваливает их фактами, приводит на память цитаты из источников, иногда даже без перевода, анализирует эти источники и, не давая отдохна ни себе, ни слушателям, мчится вперед год за годом, столетие за столетием...»³²

Ф. Ф. Соколов читал общий курс древней истории и первокурсникам Историко-филологического института и нагонял на них такой же ужас, что и на подавляющую часть студентов университета. Б. В. Варнеке вспоминал о том впечатлении, которое в 1894 г. произвела на него и его товарищей первая лекция профессора: «Вероятно, так чувствовал себя Одиссей со своими спутниками после встречи с циклопом Полифемом...»³³ Только некоторая начитанность в древних авторах позволяла, по словам Варнеке, «любоваться и наслаждаться тонкостью разбора древних текстов, умением извлечь нужные краски из Аристофана и из Феокрита, из схолий и какого-нибудь Гесихия или Свиды». «...параллельно с его изложением я читал сам *Hellenika* Ксенофона и невольно восторгался мастерством, с каким Соколов оживлял и воскрешал фигуры Крития и Ферамена. Конечно, его ко-

---

1880 г., стали командировать молодых ученых в Грецию для специальных занятий греческими надписями. Первыми поехали в Грецию его ученики В. К. Ернштедт и В. В. Латышев.

³² Жебелев С. А. Ф. Ф. Соколов (некролог). С. 56. Фролов цитирует негодующие отзывы В. В. Вересаева и В. А. Поссе: *Фролов Э. Д. Русская наука об античности*. С. 192. Ср. отзыв профессора всеобщей истории Н. И. Кареева: «Мне часто казалось, что среди профессоров нашего факультета были, как я их называл, фактопоклонники, или, как их обозначал Орест Миллер, крохоборы, олицетворением которых был в Петербургском университете профессор греческой истории Ф. Ф. Соколов, человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов, но читавший нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было. Я знаю, что мои насмешки над фактопоклонниками многих против меня вооружали, а в глазах некоторых студентов даже прямо дискредитировали как человека мало основательного...» *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 249.

³³ ПФА РАН. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 10–10 об. *Варнеке Б. В.* Старые филологи. Воспоминания: «Словно из мешка сыпавшийся поток собственных имен, названий египетских поселков и древнеперсидских царей, и годы, годы без конца пугали до жути даже самую крепкую память: ведь все это придется сдавать и на репетициях и в мае на экзамене. Просачивавшаяся сквозь этот страшный ураган имен и чисел обобщающая мысль беспомощно тонула, раздражая своей глубиной и неожиданностью. Казалось, будто лектор кудато стремительно мчался, и прятал и комкал на бегу свою мысль, боясь, что звонок не позволит высипать перед студентами всего богатства накопленных фактов».

рявые, порой наивно упрощенные пересказы Полибия, Фукидида или Аристотеля нельзя было сравнивать с плавным, блестящим, равномерным изложением Эрнеста Курциуса или литографированным московским курсом П. Г. Виноградова, которые мы тогда же читали. И все-таки... по сей день из всех русских историков я Ф. Ф. Соколова одного могу поставить рядом с В. О. Ключевским: они оба видели живым прошлое, дышали его духом исливались с тогдашними интересами вплотную, тогда как все остальные лишь мудрствовали по-своему над мертвыми страницами древних источников. На 3-ем курсе Ф. Ф. читал нам курс государственных древностей. Это был очень подробный комментарий Афинской политии Аристотеля, строка в строку сличаемой со свидетельствами Плутарха и надписей. На 4-ом я был единственный классик и мне одному целый год по 2 часа в неделю Ф. Ф. читал „сакральные древности“. Это лучший курс, какой я слышал и у нас и за границей», — писал Варнеке³⁴.

Соколова и Помяловского справедливо называли архегетами школы русских эпиграфистов³⁵. Общение с ними оказало большое влияние на Никитина: он тоже стал поклонником эпиграфики и широко использовал материалы надписей в своей докторской диссертации, посвященной истории драматических состязаний в Афинах.

Никитин испытал на себе влияние и *Василия Григорьевича Васильевского* (1838–1899)³⁶, своего будущего коллеги по Академии наук³⁷. Васильевский преподавал на кафедре всеобщей истории историю средних веков и читал специальный курс по истории Византии³⁸. По словам Никитина, «с проницательностью истинного самородного научного таланта он рано остановил свое внимание на такой области исследования, в которой всего было

³⁴ Там же. Л. 11–12.

³⁵ Жебелев С. А. Памяти И. В. Помяловского // Записки классического отделения Имп. Русского археологического общества. 1907. Т. IV. С. III.

³⁶ См. о нем: Безобразов П. В. Г. Васильевский: Некролог // ВВ, 1899, Т. 6. Вып. 3–4. С. 636–658 (в конце списка его трудов); Успенский Ф. И. Академик В. Г. Васильевский: Обзор главнейших трудов его по изучению Византии // ЖМНП. 1890. Ч. 10. Отд. 2. С. 291–342; Заливалова Л. Н. В. Г. Васильевский: учений в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга // АРВ. 36–44; Литаврин В. Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель санкт-петербургского центра византиноведения (1838—1899) // ВВ. 1994. Т. 55. Ч. 1. С. 5–21.

³⁷ Подробнее о Васильевском и его сотрудничестве с Никитиным см. Часть 2, глава 1.

³⁸ Васильевский В. Г. 1) Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 164. С. 116–165, 243–332; 2) Законодательство иконоборцев // Там же. 1878. Ч. 199. С. 258–309, Ч. 200. С. 95–129; 3) Материалы по внутренней истории Византийского государства // Там же. 1879. Ч. 202. С. 160–232, 386–438; 1880. Ч. 210. С. 98–170, 355–440; 4) Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Введение и греческие тексты с переводом. СПб., 1893.

возможнее и всего нужнее самостоятельный труд русского историка³⁹. Никитин называл Васильевского «знатоком Византии, которым по праву может гордиться русская наука»⁴⁰. Преданностью византийской истории Васильевский заразил многих своих слушателей: именно он создал школу русских византинистов. Никитин и себя причислял к ученикам Васильевского: «В эту школу вошли не только те наши молодые ученые, которым привелось посещать его аудиторию. Многие из нас — историков и филологов — сделались в том или другом отношении его учениками и не быв его слушателями, а изучая его труды, богатые содержанием, глубокие по мыслям, прекрасные по изложению»⁴¹. Долгое общение с Васильевским в университете, а потом и в Академии наук в немалой степени содействовало обращению Никитина к изучению византийских памятников.

* * *

Никитин преподавал в Петербургском университете более 20 лет, с 1879 г. в должности доцента, с 1 ноября 1884 г. — экстраординарного профессора⁴², с 22 марта 1886 г. до 12 июля 1900 г. — ординарного профессора⁴³. За это время с университетом Никитин буквально сроднился, однако он сохранил преданность и воспитавшему его Историко-филологическому институту, где он был преподавателем с 1879 г., а в 1883 г., после выхода в отставку Наука, Никитин получил звание экстраординарного профессора; с 1890 г. до 1900 г. он был ординарным профессором института⁴⁴.

Никитин, как и его ближайшие коллеги, неизменно строго относился к своим обязанностям и с необыкновенной тщательностью обрабатывал

³⁹ Никитин П. В. Памяти В. Г. Васильевского // Известия Имп. Академии наук. Сер. 5. 1899. Т. 11. № 2. С. XX–XXI.

⁴⁰ Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., 1889.] С. 23.

⁴¹ Никитин П. В. Памяти В. Г. Васильевского. С. XX.

⁴² Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за первую половину 1884–1885 академического года. СПб., 1885. № 31. С. 31–32.

⁴³ Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886 академического года. СПб., 1886. № 34. С. 91.

⁴⁴ В 1897 г. по поводу 25-летней службы К. В. Кедрова в должности директора института было учреждено Общество взаимопомощи его имени. Общество объединяло бывших студентов института и помогало осиротевшим семьям своих членов денежными пособиями. Общество насчитывало более 300 членов. Бессменным председателем общества в 1898–1916 гг. был Никитин. После смерти Кедрова в 1903 г. директором института стал В. В. Латышев. В 1918 г., после преобразования института в педагогический, Латышев подал прошение об отставке.

все свои курсы. Петр Васильевич читал студентам классического отделения историю греческой литературы (сначала историю и поэзии и прозы, затем только историю поэзии), очерк сравнительной грамматики древнегреческих диалектов и некоторые отделы греческой грамматики. Из авторов Никитин объяснял «Илиаду», лириков, Эсхила («Персы», «Агамемнон», «Евмениды», «Семеро против Фив»), Софокла («Электра», «Трахинянки»), Аристофана («Женщины на празднике Фесмофорий»), Феокрита, Геронда, Фукидса, Платона («Пир»), Демосфена («О венке»), Плутарха («Демосфен», «Деметрий Полиоркет»)⁴⁵.

Занятия по древним языкам состояли из лекций по толкованию произведений античных писателей и практических упражнений, которые были посвящены переводам с русского языка на греческий и латинский. Практические занятия под руководством Никитина проходили в духе немецкой школы: главное внимание уделялось скрупулезному критическому разбору текста древнего автора. С. А. Жебелев, студент историко-филологического факультета в 1886–1890 гг., вспоминал о том, как проходил разбор трагедии Софокла «Эант»: «Занятия велись не спеша, с чрезвычайной обстоятельностью. Каждый из участников занятий должен был представить перевод избранного отрывка и дать комментарий к нему, комментарий не расплывчатый, составленный не на основании простого перевода или пересказа существующих уже комментариев, но самостоятельно разработанный на основании тех данных, которые в них заключались. Если студент при комментировании увлекался, хотел щегольнуть своей „ученостью“, не идущей к делу, руководитель сразу же его останавливал и задавал вопрос: а это к чему? разве это не ясно без объяснения? или вы думаете, что гимназист VIII класса, которому вы будете объяснять все это, сможет, при наличии имеющихся у него сведений, усвоить то, что вы говорите? Большое внимание уделялось критике текста. П. В. терпеливо выслушивал наши проекты исправлять то или иное место, которое нам казалось испорченным, и беспощадно разбивал наши конъектуры, если они были или не нужны вовсе, или недостаточно обоснованы. Вообще руководитель он был строгий и методологии интерпретации уделял самое серьезное внимание. Мы хорошо знали, что без основательной подготовки выступать в роли толкователей древних текстов было опасно: без пощады будешь разбит в пух и прах»⁴⁶.

Никитин был блестящим переводчиком классических писателей. Переводил он настолько хорошо, что на эти лекции собирались почти все сту-

⁴⁵ Жебелев С. А. Никитин (некролог). С. 65.

⁴⁶ Жебелев С. А. Никитин (некролог). С. 66.

денты филологического факультета. Весной 1889 г. переводил и объяснял комедию Аристофана «Фесмофории», и делал это, по словам участника этих занятий Жебелева, «с таким мастерством, о котором мы и потом, по окончании университетского курса, вспоминали с особенным благоговением»⁴⁷. Остается неизвестным, предназначал ли Никитин свои переводы для издания. Жебелев, хотя и с оговорками, все же признавал «допустимым и приемлемым»⁴⁸ издать хотя бы некоторые из его переводов, и сам издал хорошо ему знакомый перевод комедии «Фесмофории»⁴⁹.

Аудитория Никитина таяла, как только дело доходило до глубокого анализа текста, языка и мысли переведенного, и оставались только те, для которых именно это было самым важным и ценным. Его лекции, как всякая серьезная наука, были трудны для восприятия, но те немногие, кто прошел его школу, как правило, становились настоящими учеными. Никитина называли своим учителем М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, А. А. Васильев, Ф. И. Шмит и др. «Мы, — писал Ростовцев, — начинающие классики, быстро, скорее чутьем поняли, чем осознали, в чем была большая сила тех немногих крупных ученых, которые составляли гордость тогдашнего петербургского филологического факультета и гордость русской филологической и исторической науки вообще»⁵⁰.

Лекции Никитина были «не по зубам» и большинству студентов ПИФИ, но он не подгонял уровень своих лекций к потребностям будущих учителей. Безотрадную картину последствий этой неуступчивости нарисовал Б. В. Варнеке, выпускник 1898 г.: «На третьем и четвертом курсах П. В. читал историю греческой литературы, греческую диалектологию и «Семь

---

⁴⁷ Никитин П. В. Комедия Аристофана «Фесмофории». Перевод и материалы для комментария. Пг., 1917. С. 3.

⁴⁸ Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог). С. 67.

⁴⁹ В оправдание своей решимости Жебелев привел отрывок из письма Никитина, присланного ему после того, как вышел перевод Жебелева «Истории» Фукидида: «Просматривая ее, я... мучился совестью, сознавая, что прежде эгоистически отказывался... направлять свои занятия на пользу общего просвещения». «Всякому, кто близко знал П. В., — продолжает Жебелев, — никогда, разумеется, и в голову не приходило бы заподозрить его в каких бы то ни было эгоистических побуждениях. Не эгоистом он был, когда не печатал своих переводов, а слишком щепетильным, до крайних пределов требовательным ко всему тому, что писал, что делал, что, может быть, даже думал»: Никитин П. В. Комедия Аристофана «Фесмофории». В Приложении 1 к данной работе публикуются переводы трагедии Эсхила «Семь против Фив» и двух Пиндара (Олимпийской I и Пифийской IV). Целям «общего просвещения» служил и подготовленный при участии Никитина «Реальный словарь классических древностей по Любкеру: Издание Общества классической филологии и педагогики / Под ред. членов Общества Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустонского и Ф. Зелинского. СПб., 1883. Вып. 1».

⁵⁰ Ростовцев М. И. Памяти Петра Васильевича Никитина // Речь. 1916. 7 мая. (№ 124). С. 3.

против Фив» Эсхила и ровно ничего не дал. Усевшись на кафедре, он опускал голову книзу и в одну тягучую ноту с трудом выжимал слова, прерывая их глухим першением; как скучный осенний дождь в крышу, ударяли они в уши самому внимательному слушателю и через 10 минут следить за его изложением было невозможно. Кто начинал дремать, кто брал постороннюю книгу.

Диалектология была сама по себе нам не по зубам. Мы и аттическое наречие едва знали. Где уж тут уследить его отличие от беотийских или лесбийских форм? Толкование Эсхила было рассчитано опять на слушателей гораздо выше нашего уровня и по недостаточности оставалось бесполезным. Поправляя наши ответы, П. В. облекал свои замечания в такую тонкую иронию, какая при изысканной вежливости, по существу колола очень больно, но кроме очередного студента, которого П. В. распекал целый час, остальные не следили за этим диалогом. Все лекции П. В. писал сплошь и горы четвертушек отдавал для литографирования нам. Они поражали богатством содержания, стройностью изложения. Как жаль, что он не давал кому-нибудь другому читать их, и еще печальнее, что его курс литературы остался ненапечатанным.

П. В. появлялся всегда с иголочки одетым, и его холодная, замороженная фигура не допускала, чтобы кто-нибудь из студентов рискнул задать ему вопрос, спросить совета и т. п.»⁵¹. Позже Варнеке ближе познакомился с Никитиным, и тут ему открылось, какой это простой, благожелательный человек. «Как часто каялся я ему, — вспоминал Б. Варнеке спустя много лет, — что при всем желании, не в силах добиться смысла книги Виламовица или нашего Зелинского. И в двух словах, просто он раскрывал *der langen Rede kurzen Sinn*. Каждый приход к нему заставлял уважать его больше и больше и чувствовать, какое богатство ума, знаний и сердца скрывалось под этой угрюмой, холодной оболочкой»⁵². Как с человеком, с Никитиным было сойтись нелегко, И. В. Цветаев как-то назвал его «кладезем запечатанной мудрости»⁵³. А за удивительную скромность и как бы застенчивость студенты нередко называли П. В. Никитина «красной девицей»⁵⁴.

Петр Васильевич не был блестящим оратором, и его слабый голос, с

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 46 об.–47. Варнеке Б. В. Старые филологи: Воспоминания.

⁵² Там же. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 47 об.

⁵³ Там же. Л. 48.

⁵⁴ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.) // Анналы. 1922. № 2. С. 175–176.

особого рода глухим тембром (студенты с непривычки называли его «гробовым»), постоянное покашливание во время речи в первые моменты скрывали глубину ее содержания. Свои лекции Никитин всегда читал стоя и, по словам С. А. Жебелева, непременно обращался к слушателям «Милостивые государи», даже если этих «государей» на специальных курсах было всего-навсего двое. При всей своей серьезности Никитин любил оживлять лекции остротами, и эффект остроумия лишь усиливало неумение Петра Васильевича выделять с помощью модуляций голоса части высказывания: он заставлял смеяться других, не смеясь сам. С. Ф. Платонов, студент факультета в 1878–1882 гг. отзывался о нем как об угрюмом, но остроумном и изящном лекторе⁵⁵. Студенты побаивались «острого» языка Никитина.

Экзаменационные требования по классической филологии были очень строгими. Едва ли не главное место на экзамене отводилось письменному переводу с русского языка на латинский, и за «грубую» грамматическую ошибку грозил провал. Поэтому добросердечные преподаватели старались выгораживать студентов и оправдывали их погрешности ссылками на авторов периода упадка, у которых такие отклонения тоже встречались — на то это и был «упадок». Ф. Ф. Зелинский вспоминал, как однажды такие работы начальством учебного округа были отправлены для просмотра Петру Васильевичу. Как человек сердобольный, он ничего не имел против этой известной преподавательской хитрости, но все же, прочтя одну работу, в которой самые безграмотные формы были на полях оправданы учеными ссылками экзаменатора, вроде: «есть у Вегеция там-то», «встречается у Фульгения там-то» и т. д., не мог удержаться, чтобы не приписать в своем отзыве: «Испытуемый обнаружил поразительную начитанность в самых скверных авторах»⁵⁶.

«Аттическая соль» Никитина порой едко щипала того, кому она была адресована. На одном из заседаний Русского археологического общества Никитин заметил по поводу слов докладчика о том, что стиль одного из византийских писателей имеет сходство со стилем Афинея (ок. 200 г. н. э., автор известной компиляции из античных писателей): «это — все равно, как если бы сказать, что стиль какого-либо русского писателя напоминает стиль хрестоматии Галахова»⁵⁷. Никитин мог кстати вспомнить и чужую остроту. Например, в своем официальном отзыве о докторской диссертации С. Н. Жданова, главное место в которой занимали рассуждения о

⁵⁵ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 127.

⁵⁶ Зелинский Ф. Ф. Памяти Никитина // Биржевые ведомости. 1916. 9 (22) мая (№ 15547). С. 4.

⁵⁷ Жебелев С. А. Никитин (некролог). С. 64.

категории грамматического рода в греческом языке, Никитин упрекнул автора в том, что тот мало занимается соотношением между суффиксами имен и их родом. «Может быть, — объясняет этот недостаток сам Никитин, — его испугала острота Потта, который говорил, что нельзя думать, будто род имен определяется их окончаниями, их суффиксами, так как нельзя де представлять окончания чем-то вроде *pudenda virilia* или *muliebria*⁵⁸.

Никитин однажды вспомнил незадачливого автора, который, рассуждая о достоинствах акрибии, именно в этом греческом слове, которое означает «величайшая точность», «щательность», «основательность», и сделал ошибку в ударении. По этому поводу Никитин написал В. Р. Розену: «Акрибия — госпожа капризная, и — особенно — для русского человека ехидная»⁵⁹. Большим поклонником таланта и остроумия Никитина был Соколов, и нередко он восторженно говорил о своем товарище: «Наш-то Петр Васильевич», — и указывал на какую-нибудь из его блестящих доказок к текстам древних писателей или вспоминал какое-нибудь его остроумное изречение.

Устав 1884 г. и переустройство историко-филологического факультета

Время преподавания Никитина в Петербургском университете совпало с подготовкой и введением в действие нового университетского устава 1884 г.⁶⁰ Еще в 1875 г. была создана особая комиссия, разъезжавшая по университетам с министерской анкетой в 60 вопросов, ответы на которые должны были дать фактический материал для пересмотра университетского устава⁶¹. Однако этот план натолкнулся на серьезную оппозицию со стороны профессуры. В 1878 г. вспыхнули студенческие беспорядки. Когда же петербургские профессора, пытавшиеся заняться по инициативе А. С. Фаминцова изучением причин беспорядков, подали докладную записку попечителю, объяснявшую беспорядки полицейским режимом и бесправием студентов и настаивавшую на распространении «автономии» на студенчес-

⁵⁸ Никитин П. В. Отзыв о диссертации профессора С. Н. Жданова «Грамматические наблюдения и критико-экзегетические заметки». С. 42–43.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 1. Письмо Никитина В. Р. Розену от 27.06.1894.

⁶⁰ Подробнее см.: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991; Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998.

⁶¹ В. Н. Вопросные пункты университетского устава // Вестник Европы. 1876. Т. 1. С. 269–304.